

ников, он не занял ни одну из сторон. Тяжелое положение народа, крепостная отсталость России не сделали из Некрасова либерала и поклонника Запада. Бывая подолгу за границей, он воспринимал Европу спокойно и трезво. Не стал он, впрочем, и «ура-патриотом», то есть человеком, воспевающим власти лишь за то, что у них есть власть, и следовательно, каждый их шаг — благодатный подарок для Отечества.

Некрасов первым увидел талант Достоевского (известны его слова: «новый Гоголь явился»), пути их потом разошлись; в заключении после дела петрашевцев автор «Бедных людей» четыре года провел с Библией в руках, единственной разрешенной ему книгой, но христианские идеи Достоевского никак не отразились на творчестве Некрасова, тогда как художественно-образное воздействие обратного свойства — очевидно. Николай Чернышевский проработал в «Современнике» Некрасова семь лет, он во многом определял направление журнала и умонастроения демократически настроенной интеллигенции, но идеологическое влияние его совершенно не распространялось на главного редактора. Так, к нашумевшему роману Чернышевского «Что делать?», напечатанному в журнале, Некрасов не выразил никакого определенного отношения. (Эту книгу высоко ценил Владимир Ульянов и многие другие революционеры.)

Много лет Некрасов дружил с Тургеневым, восхищаясь его выдающимся литературным талантом, писателей связывала и общая страсть к охоте, и даже сходные коллизии в личной жизни — они их обсуждали в переписке, но в конфликте Добролюбова и Тургенева поэт занял сторону своего сотрудника, «выскочки», «мальчишки», «змеи очковой» (такими определениями награждал молодого критика автор «Отцов и детей»). Выбор дался Некрасову нелегко, но он поступил по совести и до конца жизни молчал, не отвечая на обидные, несправедливые и даже клеветнические выпады бывшего друга.

Лев Толстой только подходил к идее о непротивлении злу насилием, а Некрасов давно уже жил по этой программе: не только экономическая логика развития страны ставила вопрос об уничтожении крепостного права, телесных наказаний и труда бурлаков, к этому подталкивали и общественные умонастроения, формированию которых способствовал Некрасов. Воистину, поэт есть учитель нации! Некрасов учил, что негоже относиться к миллионам тружеников, как к безгласному скоту, что «не будет сын смотреть спокойно на горе матери родной, не будет гражданин достойный к Отчизне холоден душой», что чаша народного горя полна — «где народ, там и стон». Так, страдающим и горьким словом он разворачивал ход истории, укрощая зло жизни.

Но совесть — оружие обоюдоострое — она ранила и самого поэта. Раскольников Достоевского еще не стал на колени и не принес публичного покаяния, а Некрасов в стихотворении «Рыцарь на час» уже писал, обращаясь к умершей матери:

Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы кроткие очи твои
Смыли жаркой слезою страдания
Все позорные пятна мои!

Совесть есть и у богача, живущего во дворце, и у бедняка, ютящегося в лачуге. Чуткая совесть, а не стремление «обличить», жила в социальных стихах Некрасова, и потому их справедливость признавали и «угнетатели», и «угнетенные». Совесть сделала эти стихи бессмертными, во всяком случае, для русской поэзии. Совесть поэта не позволила ему пройти мимо тех, кто еще не становился героями русской литературы, — крестьян: «Передо мной никогда не изображенными стояли миллионы живых существ! Они просили любящего взгляда! И что ни человек, то мученик, что ни жизнь, то трагедия!»